

Причинение страданий близким лицам как форма особой жестокости

Анна Сергеевна Кособокова

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева,
Москва, Российская Федерация
✉ ychebnayabel@mail.ru

Научный руководитель: **Д. А. Дорогин**, к.ю.н., доцент, доцент кафедры
уголовного права Российского государственного университета правосудия
имени В. М. Лебедева

Аннотация. Особая жестокость толкуется в юридической литературе неоднозначно, однако причинение страданий близким лицам в процессе посягательства выделяется доктриной и судебной практикой как одна из типичных форм особой жестокости. Статья посвящена уточнению понятия «близкие лица» с помощью выделения и учета особенностей рассматриваемого проявления особой жестокости. В статье выдвигается предложение о включении в данный признак не только присутствия близких лиц при посягательстве, но и восприятия ими преступления во всех подробностях через специальные технологии и средства. Автором также рассматривается вопрос о возможности вменения, наряду с признаком особой жестокости в форме причинения страданий близким лицам, признака публичной демонстрации посягательства.

Ключевые слова: особая жестокость, близкие лица, страдания, публичная демонстрация, преступление

Для цитирования: Кособокова А. С. Причинение страданий близким лицам как форма особой жестокости // Фемида.Science. 2025. № 2 (17). С. 87–94.

Original article

Inflicting Suffering on Loved Ones as a Form of Special Cruelty

Anna S. Kosobokova

Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev,

Moscow, Russian Federation

 ychebnayabel@mail.ru

Scientific supervisor: D. A Dorogin, Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor at the Criminal Law Department of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev

Abstract. Special cruelty is interpreted ambiguously in the legal literature, however, the infliction of suffering to loved ones in the process of encroachment is highlighted by doctrine and judicial practice as one of the typical forms of special cruelty. The article is devoted to clarifying the concept of loved ones by highlighting and taking into account the features of the considered manifestation of special cruelty. The article suggests that this feature should include not only the presence of loved ones during an assault, but also their perception of the crime in all its details through special technologies and means. The author also considers the possibility of attributing, along with a sign of special cruelty in the form of causing suffering to loved ones, a sign of a public demonstration of encroachment.

Keywords: special cruelty, close people, suffering, public demonstration, crime

For citation: Kosobokova, A. S. Inflicting suffering on loved ones as a form of special cruelty. *Femida.Science = Themis.Science. 2025;(2):87-94. (In Russ.)*

В российском уголовном праве отдельное место занимают проблемы толкования оценочных признаков состава преступления и квалификации деяний с учетом сформулированного в доктрине и судебной практике содержания таких понятий, к которым относится и особая жестокость. Особая жестокость встречается в качестве квалифицирующего признака состава преступления в небольшом количестве статей Уголовного кодекса Российской Федерации, но при этом она также является обстоятельством, отягчающим наказание (п. «и» ч. 1 ст. 63 УК РФ), что существенно расширяет возможности ее уголовно-правового учета. Однако в законодательстве полностью отсутствуют положения, как-либо разъясняющие данный признак. Такой пробел восполняется судебной практикой, хотя лишь частично.

Особая жестокость может иметь различные формы. Одним из ее проявлений Верховный Суд Российской Федерации в своих постановлениях¹

¹ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (п. 8) (далее – Постановление № 1) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 3; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации

называет причинение страданий близким лицам в процессе совершения посягательства, что вызывает многочисленные вопросы.

Причинению страданий близким лицам в рамках особой жестокости на примере убийства посвящены работы С. К. Питерцева «Уголовно-правовое значение присутствия близких потерпевшего при убийстве» [1], Н. А. Лопашенко «Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика» [2], А. Н. Попова «Убийства, совершаемые с особой жестокостью, а также общеопасным способом» [3] и др.

Прежде всего следует понять, кого именно стоит рассматривать в качестве близких лиц и чьи страдания нужно учитывать. На наш взгляд, кардинально отходить от общепринятого содержания данного понятия не стоит, для этого нет оснований, нет специфики состава, которую необходимо было бы дополнительно отразить. Так, к близким лицам могут относиться «...наряду с близкими родственниками <...> иные лица, состоящие с ним [потерпевшим] в родстве, свойстве (родственники супруга), а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых заведомо для виновного дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений» (п. 6 Постановления № 1).

При этом указанный термин в рамках рассматриваемого признака все же имеет особенности. Дело в том, что данный состав отличается местом (ролью) близких лиц в механизме совершения преступления. Как правило, в преступлении близкое лицо само является потерпевшим и выступает средством воздействия на другое лицо, всегда представляющее главенствующий интерес для виновного. В данном же случае, наоборот, через преступные действия, направленные на потерпевшего, происходит оказание противоправного влияния (в виде причинения психических страданий) на близких (третих) лиц, которые сами потерпевшими не выступают. Они либо оказываются конечной целью виновного, не совершающего непосредственно в отношении них уголовно наказуемых действий, либо затрагиваются в силу сложившейся ситуации, при этом их страдания виновным осознаются, но не входят в его цель.

Следовательно, страдания близких лиц «фактически находятся за рамками состава» [2, с. 376]. В связи с этим некоторые авторы предлагают отказаться от подобного проявления указанного признака [4, с. 63–64]. Однако учет таких страданий необходим ввиду существенного повышения степени общественной опасности деяния при их наличии, а также тесной взаимосвязи между такими страданиями и деянием виновного, которая на данный момент фактически не может быть учтена иным образом.

Страдания близких лиц могут квалифицироваться по признаку особой жестокости и в тех случаях, когда сам потерпевший их не испытывает (если виновный не применяет особо жестокий способ и не мучает жертву) или не осознает наличие страданий у третьих лиц (например, находясь в бессознательном состоянии). Стоит отметить, что сам способ, которым ви-

от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» (п. 11) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 2.

новный воздействует на потерпевшего, не обязательно должен быть особо жестоким, чтобы страдания близких от наблюдения за посягательством учитывались в рамках рассматриваемого признака.

Судить о «близости» лиц, т. е. значимости жизни и здоровья определенного человека, кажется логичным с позиции этого третьего лица, а не самого потерпевшего, как на это указывает Верховный Суд Российской Федерации (п. 8 Постановления № 1). В большинстве случаев не играет роли, с чьей точки зрения мы определяем наличие или степень «близости» лиц, так как предполагается, что глубокая эмоциональная привязанность в одинаковой степени свойственна субъектам, находящимся в близких отношениях². Однако в некоторых ситуациях, когда одно из лиц не способно физически испытывать тесную эмоциональную связь, рассматриваемый вопрос имеет определяющее значение.

Например, у младенцев до 3 месяцев социальные реакции на взрослых беспорядочны³, а значит, установления какой-либо эмоциональной связи с конкретным человеком, даже родственником, у них не происходит. Однако взрослый может привязаться к малышу, убийство которого определенно причинит ему страдания.

Такие же проблемы могут возникать в случаях, когда потерпевший постепенно потерял осознание «близости» в силу различных нарушений психики, когда его эмоциональная чувствительность существенно снизилась. Такое вероятно «...при деменциях позднего возраста, шизофрении, в рамках органического снижения личности, а также при глубоких депрессиях»⁴. «Те раздражители, события и люди, которые у здоровых лиц вызывают эмоциональную реакцию, здесь ее не вызывают»⁵.

Следовательно, так как страдания причиняются другим лицам, а не потерпевшему, значит, в рамках рассматриваемого проявления особой жестокости учитывать нужно степень привязанности этих третьих лиц, на глазах которых происходит посягательство. При этом для вменения признака особой жестокости обязательна осведомленность виновного о характере отношений между потерпевшим и третьим лицом.

Возможны также ситуации, когда лицом, не способным физически испытывать тесную эмоциональную связь, выступает не потерпевший, как это было описано выше, а третье лицо. То есть дополнительные страдания может испытывать сам потерпевший, например, опасаясь за жизнь

² Здесь и далее признак близких лиц рассматривается через призму заведомой для виновного значимости жизни и здоровья данного лица для потерпевшего, так как родство и свойство – объективные характеристики, хотя, по нашему мнению, и не определяющие безусловно наличие статуса близкого лица, в отличие от субъективного критерия в виде глубокой эмоциональной связи.

³ Веракса Н. Е. Детская психология : учеб. для вузов. М. : Юрайт, 2024. С. 186. URL: <https://urait.ru/bcode/536372/p.186> (дата обращения: 18.02.2025).

⁴ Дереча В. А. Психопатология : учеб. и практикум для вузов. М. : Юрайт, 2025. С. 70. URL: <https://urait.ru/bcode/535166> (дата обращения: 19.02.2025).

⁵ Там же.

или дальнейшую судьбу после своего убийства находящихся рядом близких, которые его таковыми не считают. Несмотря на то что такие случаи не соответствуют ни одному проявлению особой жестокости, обозначенному Верховным Судом Российской Федерации в своих разъяснениях, они, при наличии необходимого субъективного отношения виновного, должны рассматриваться в рамках указанного признака.

Некоторые авторы выступают с предложениями о расширении категории лиц, чьи страдания необходимо учитывать. Ученые включают в нее любых лиц, которые присутствуют при совершении преступления [5, с. 19–20] либо ожидают такой же участи, как у потерпевшего (например, последующего своего убийства) [6, с. 30].

Рассмотрение именно близких лиц в контексте данного признака обусловлено их особой эмоциональной связью с потерпевшим, которая и возводит эти страдания в ранг особых. Об этом же свидетельствует указание Пленума Верховного Суда Российской Федерации на тот факт, что действия виновного должны причинять страдания в том числе лицам, для которых жизнь и здоровье потерпевшего дороги именно в силу личных взаимоотношений, а не только родственникам (п. 6, ч. 8 Постановления № 1). То есть суд не может руководствоваться исключительно формальным критерием родства или свойства. Например, нельзя квалифицировать по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ ситуации, когда близкое лицо заинтересовано в смерти потерпевшего либо относится к этому безразлично в силу отсутствия особой эмоциональной связи, которая обычно предполагается в случае родственников.

Отдельного упоминания заслуживает вопрос о квалификации в качестве особой жестокости страданий детей без учета их родства и иной связи с потерпевшим, предлагаемой некоторыми авторами [7, с. 184–185]. Однако, на наш взгляд, в таком случае происходит смешение в рамках одного признака разных оснований повышения общественной опасности деяния. Для дополнительной и целенаправленной защиты интересов именно несовершеннолетних, а точнее, их нормального (в том числе психического) развития стоит ввести, по примеру ст. 245 УК РФ, отдельный пункт «в присутствии малолетнего» (или несовершеннолетнего).

Важным является то, что страдания близких лиц вызываются именно самим фактом восприятия прижизненных мучений потерпевшего, его реакции (психической или физической) на противоправное посягательство. Некоторые исследователи выдвигают небезосновательное предположение, что в случае присутствия близкое лицо испытывает особые страдания именно из-за отсутствия возможности помочь потерпевшему и предотвратить преступное посягательство⁶ по объективным или субъективным причинам. По мнению С. К. Питерцева, специфика таких страданий обусловлена тем, что лица наряду с тяжкими переживаниями относительно самого факта смерти потерпевшего переживают еще и процесс ее причинения. То

⁶ Андреева Л. А. Квалификация убийств, совершенных при отягчающих обстоятельствах : учеб. пособие. СПб. : СПбЮИ, 1998. С. 18.

есть сначала угрозу лишения жизни, далее – все отдельные элементы этого механизма, а только потом сам факт утраты, что усугубляется еще и отсутствием возможности помочь потерпевшему [1, с. 116].

Однако Пленум Верховного Суда Российской Федерации⁷ не ставит наличие страданий и их степень в зависимость от такой возможности, т. е. он предписывает судам признавать страдания особыми и в случае, когда в процессе наблюдения посягательства близкое лицо способно предотвратить его негативные последствия, и когда оно этого сделать не может. В связи с этим мы отчасти согласны с позицией С. К. Питерцева, но, на наш взгляд, самого факта восприятия посягательства уже достаточно для признания особой жестокости. Такого же мнения придерживается и А. Н. Попов, который отмечает, что «особые страдания близких при убийстве потерпевшего заключаются в самом факте того, что они стали свидетелями смерти родного им человека. <...> Искать какой-либо дополнительный критерий “особенности” страданий близких потерпевшего в подобных случаях, по нашему мнению, было бы неправильно. <...> Поэтому особые страдания близких потерпевшего будут во всех случаях осознания ими факта посягательства на его жизнь, если отношения между потерпевшим и близкими его до этого момента не давали оснований для иных выводов» [3, с. 72].

Таким образом, на первый план должен выходить сам факт восприятия процесса посягательства на потерпевшего. При этом такое восприятие сегодня возможно и не только через непосредственное присутствие близких лиц в месте совершения преступления, как это указано в названных постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации. Если раньше подобное наблюдение обеспечивалось в основном только личным присутствием близких лиц при непосредственном совершении преступления, то в нынешнее время использование различных технологий и средств позволяет организовать доведение до близких лиц всей ситуации в подробностях со сравнимой с присутствием на месте преступления степенью. Кроме того, выше упоминаемая неспособность помочь сохраняется и при отсутствии близкого лица в непосредственной территориальной близости к потерпевшему, но восприятии преступления в режиме реального времени, например, путем ведения онлайн-трансляции, видеозвонка и т. д.

Отметим, что разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации в данной части об убийстве не менялись с 1999 г., а об изнасиловании – с 2014 г. и, на наш взгляд, устарели. Необходимо учесть изложенное и изменить формулировку, указанную в этих постановлениях, так как существенным является не само присутствие близких лиц, а именно факт восприятия процесса посягательства во всех подробностях.

Суммируя все вышесказанное, можно сделать следующие основные выводы. Во-первых, вывод о «близости» лиц, т. е. о значимости жизни и здоровья определенного человека, необходимо делать со стороны третьего лица,

⁷ См. Постановление № 1 (п. 8), Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» (п. 11).

которому причиняются страдания, а не самого потерпевшего. Во-вторых, центральной характеристикой рассматриваемого проявления особой жестокости является не присутствие близких лиц в момент совершения преступления, а сам факт восприятия близким лицом процесса посягательства. Это указывает на необходимость включения в рамки данного проявления ситуации, когда процесс посягательства доводится до близких лиц с помощью использования различных технологий и средств, позволяющих передавать все подробности преступления.

Список источников

1. Питерцев С. К. Уголовно-правовое значение присутствия близких потерпевшего при убийстве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1975. № 3. С. 116–118.
2. Лопашенко Н. А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика. М. : Юрлитинформ, 2018. 656 с.
3. Попов А. Н. Убийства, совершаемые с особой жестокостью, а также общеопасным способом. СПб. : С.-Петербург. юрид. ин-т Ген. прокуратуры Рос. Федерации, 2002. 211 с.
4. Стрельников А. И. Ответственность за убийство, совершенное при обстоятельствах, отягчающих наказание. М. : Частное право, 2002. 143 с.
5. Меньшикова А. Г. Особая жестокость: медицинские и уголовно-правовые аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 26 с.
6. Кривошеин П. К., Третьяков В. И. Преступления против жизни и здоровья человека. Волгоград : Волгоград. акад. МВД России, 2013. 256 с.
7. Сердюк Л. В. Семейно-бытовое насилие: криминологический и уголовно-правовой анализ. М. : Юрлитинформ, 2015. 317 с.

References

1. Pltertsev, S. K. The criminal and legal significance of the presence of the victim's relatives during the murder. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenij. Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*. 1975;(3):116-118. (In Russ.)
2. Lopashenko, N. A. *Investigation of murders: law, doctrine, judicial practice*. Moscow: Yurlitinform; 2018. 656 p. (In Russ.)
3. Popov, A. N. *Murders committed with extreme cruelty and in a generally dangerous manner*. St. Petersburg: St. Petersburg Law Institute of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation; 2002. 211 p. (In Russ.)
4. Strelnikov, A. I. *Responsibility for murder committed under circumstances aggravating punishment*. Moscow: Chastnoe pravo; 2002. 143 p. (In Russ.)
5. Menshikova, A. G. *Special cruelty: medical and criminal-legal aspects*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Yekaterinburg; 2015. 26 p. (In Russ.)
6. Krivoshein, P. K., Tretyakov, V. I. *Crimes against human life and health*. Volgograd: Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2013. 256 p. (In Russ.)
7. Serdyuk, L. V. *Family and domestic violence: criminological and criminal law analysis*. Moscow: Yurlitinform; 2015. 317 p. (In Russ.)

Информация об авторе

А. С. Кособокова – студент 4 курса.

Information about the author

A. S. Kosobokova – 4th year student.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflict of interests.

Статья поступила в редакцию 14.03.2025; одобрена после рецензирования 26.03.2025; принятая к публикации 16.04.2025.

The article was submitted 14.03.2025; approved after reviewing 26.03.2025; accepted for publication 16.04.2025.